

Джулия
Энн Лонг

*Любовь
в награду*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л76

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Julia Anne Long

IT STARTED WITH A SCANDAL

Перевод с английского *М.В. Келер*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Лонг, Джулия Энн.

Л76 Любовь в награду : роман / Джулия Энн Лонг ; [пер.
с англ. М. В. Келер]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-092955-9

Элайза Фонтейн молода и прекрасна, но жизнь ее кончена: все двери мира, включая родной дом, закрыты перед брошенной матерью незаконнорожденного ребенка. Единственное приличное место, которое ей удается найти, — это место домоправительницы в роскошном особняке, который снял принц Филипп, один из многочисленных представителей династии Бурбонов. А принц известен своим отвратительным характером...

Однако то, что начинается трагически, очень скоро превращается в прекрасную историю непростой, но страстной любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Julie Anne Long, 2015

© Перевод. М.В. Келер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers,
2017

ISBN 978-5-17-092955-9

Глава 1

— Учитывая ваши... обстоятельства, миссис Фонтейн, я уверена, вы понимаете, что даже согласие на собеседование с вами... весьма необычно. Но это исключительная ситуация... Да и семья Редмондов замолвила за вас словечко.

Столь большое количество слов требовало тщательного подбора и бережного к ним отношения в виде нескольких непродолжительных пауз.

Обстоятельства. Ситуация.

Выдержав скрытый укор, как она делала это годами, Элайза готова была скрежетать зубами.

— Я понимаю, — мрачно проговорила она.

— Это не означает, что вы не сможете успешно выполнять свои обязанности. И я очень надеюсь, что вы не повторите действий миссис Гордон, чей темперамент оказался несовместимым с работой...

Должно быть, миссис Гордон была той самой рыдающей женщиной, которую Элайза встретила по пути в Адлин-Хаус. Миссис Гордон тащила чемодан, тихо и серdito бормоча что-то про «бессердечную тварь».

— ...Потому что у хорошей экономки должен быть ясный ум и зрелое мировоззрение, — продолжала миссис Уинтроп. Она ненадолго прервала поток слов, чтобы, прищурившись, посмотреть на Элайзу.

Элайза надела свое самое строгое платье и безжалостно заколола волосы в пучок примерно тремя сотнями шпилек. Она кивнула, пребывая в уверенности, что

выглядит достаточно зрелой и ничто вроде фривольной кудряшки не испортит общего впечатления, крепко переплела пальцы рук, лежащих на коленях, словно лишь это могло удержать ее нервы, готовые разлететься на части. По крайней мере, благодаря этому Элайзе удалось скрыть дрожь.

Вот бы шесть лет назад ей удалось так же крепко стянуть шнурки своего корсета! Увы, этого уже не исправить — молоко пролилось... и все такое прочее.

— ...И как вам известно, я нанята графом Ардмеем. Он предложил мне заняться подбором экономки в качестве знака любезности его семье... — Миссис Уинтроп не прекращала говорить ни на минуту с тех пор, как Элайза пришла сюда четверть часа назад. — Что касается нынешней прислуги, здесь не будет управляющего или дворецкого — это относительно небольшой дом, а владелец у него временный. Так что экономка возглавляет небольшой штат прислуги, который состоит из...

Что-то, без сомнения, большое и стеклянное с силой было брошено на приличном расстоянии от них и разлетелось на тысячи звенящих осколков.

Обе женщины замерли.

Элайза предположила, что именно такой звук издадут ее нервы, если наконец разлетятся на кусочки. В наступившем молчании дождь с силой забарабанил по окнам, словно желая предупредить ее: уходи, уходи, уходи, пока не поздно.

Ох, если бы у нее был выбор!

Миссис Уинтроп откашлялась:

— Скорее всего он никогда не станет целиться в вас. Но все равно, видите, с одной рукой у него все в порядке, так что если вам покажется, что он в настроении кинуть что-нибудь, лучше уйти с его глаз долой.

Элайза понадеялась, что это всего лишь черный юмор. Боже, как на это ответить? Она опустила глаза на побелевшие костяшки своих пальцев. Они были словно хру-

стальные шарики — в них ей помощи не найти. И она решила глубокомысленно кивнуть.

— Насколько я понимаю, это, слава Богу, случается редко, — пояснила миссис Уинтроп. — Я говорю о настроении принца кидать предметы.

— А мы всегда должны рассчитывать на удачу, — быстрее и более сухим тоном, чем хотела, проговорила Элайза.

Брови миссис Уинтроп взметнулись, словно птицы, выпорхнувшие из куста. Несколько мгновений она внимательно смотрела на Элайзу.

Элайза затаила дыхание.

А потом на лице миссис Уинтроп промелькнула улыбка, которая походила на уголек, вылетевший из далекого походного костра. Такие Элайза видела, долгие недели плутая в метафорическом темном лесу.

— Ну хорошо, миссис Фонтейн, я с удовольствием представлю вас лорду ла Вею, принцу дома Бурбонов. Если только он расположен с вами побеседовать.

Как ни странно, говорливая миссис Уинтроп приумолкла, ведя Элайзу по лабиринту темных коридоров Адлин-Хауса. Фитили свечей здесь давно не подрезались, и некоторые чадили в подсвечниках неровным дымящим огнем. Элайза нахмурилась. Дом был довольно большой, но в комнатах, мимо которых они быстро проходили, огонь в каминах либо едва теплился, либо не горел вовсе. Она украдкой провела пальцем по деревянной панели и собрала заметный комочек пыли.

Где же прислуга, о которой ей говорила миссис Уинтроп?

Они поднялись на один пролет мраморной лестницы с гладкими скромными перилами, и миссис Уинтроп наконец остановилась у двери, за которой, похоже, находился кабинет хозяина дома.

В кабинете было темно и тихо, как в пещере, но огромное пляшущее пламя в камине отбрасывало яркие

отблески, освещая полированные ножки туго набитого диванчика, пару роскошных стульев, инкрустацию на маленьком круглом столике, позолоту на рамке карты, а также подставку большого глобуса, пустой хрустальный графин и крохотный, лишь наполовину наполненный флакончик с опиумом — болеутоляющим средством доктора Сиднема на буфете.

Взгляд Элайзы остановился, дойдя до сверкающих ботфортов, стоявших у камина. А потом поднялся по ним вверх.

В ботфортах стоял мужчина. Очень высокий мужчина.

Элайзе показалось, что он просто огромного роста. Огонь отбрасывал его тень почти до того места у двери, где находилась она. Элайза невольно отступила на шаг назад, как будто спасаясь от потока лавы.

Лицо мужчины было обращено к окну, словно он кого-то ждал.

Элайза с любопытством проследила за его взглядом, но увидела все тот же беспрестанный косой дождь, напоминающий прутья тюремной решетки.

Облако осколков поблескивало вокруг — то, что осталось от вазы, судя по всему.

— Лорд ла Вей...

Элайза бросила на миссис Уинтроп встревоженный взгляд. Голос женщины, который, казалось, не знал усталости, теперь едва звучал. Как будто ей не хватало воздуха для того, чтобы громко произносить слова.

Мужчина повернулся. Медленно, как будто был земным шаром на своей оси или скульптурой, которую вращал Создатель, чтобы представить завершенную работу.

«Voilà!»* — промелькнуло в голове у Элайзы. Попытка напускной храбрости.

* Вот как! (фр.). (Здесь и далее прим. перев.)

Слишком поздно. Она уже судорожно вздохнула и напрягла все свои мышцы, как существо, натолкнувшееся на лесной лужайке на хищника и пожелавшее притвориться невидимым.

Он был ярким представителем исключительной породы — аристократии. Элайза могла бы купить билет, чтобы поглазеть на него, как когда-то маленькой девочкой смотрела на животных в Королевском зверинце в Лондоне, куда однажды ее привел отец.

Лорд ла Вей не был молод. В его лице не было мягкости — ни в очертаниях рта, ни в пылающем взоре, ни в суровых прямых углах подбородка. Его красота отличалась строгостью и неоспоримостью. В нем явно ощущалась сила, словно он появился из земли благодаря бурной подземной деятельности, почти так же, как вырываются из нее горные хребты. Элайза вспомнила, что ей о нем говорили.

Корсар. Солдат. Принц. Сила. Неистовство. Привилегированное положение.

Лорд ла Вей — живое воплощение всего того, для чего он и предназначен.

«Неужели мы так явно демонстрируем свое прошлое?» — спросила себя Элайза. Если это так, то она явно попала в беду. Отрицать бесполезно — он ее пугает.

Но через мгновение это состояние разгневало Элайзу. Она была уверена, что после событий последних пяти лет уже ничто не напугает ее. Она не может себе позволить чего-то бояться. Элайзе казалось, что она заслужила право никогда больше ни испытывать страха.

Элайза расправила плечи. Жизнь полна испытаний — так она когда-то сказала своим ученикам.

Но это было еще до того, как жизнь подвергла ее испытаниям.

Женщина, которую миссис Уинтроп привела в его кабинет, была маленькой и бесцветной. Она была одета в скромное платье из прочной серой шерсти с длинными

рукавами и высоким воротником. Темные волосы. Возраст ее на вид он определить не смог.

Ее взор сразу упал, как только она встретилась с ним глазами. Причиной тому была защита, или страх, или, возможно, обаяние. Он привык ко всему. И это его не интересовало.

Эта женщина, непримечательная во всех отношениях, если не считать ее позы — почти агрессивно неподвижной, — напомнила ему вынутую из ножен шпагу.

При мысли об этом принц слабо улыбнулся. Он понял, что улыбка получилась неприятной, когда обе женщины чуть вздрогнули.

— Я хотела бы представить вам миссис Элайзу Фонтейн, милорд.

Миссис Фонтейн сделала изящный реверанс.

— Можете оставить нас, — сказал принц миссис Уинтроп, даже не взглянув на нее.

Миссис Уинтроп бросилась прочь, как кролик, выпущенный из силков.

Взгляд миссис Фонтейн снова поднялся, как у человека, с трудом взбирающегося по склону утеса, дрогнув, но удержался на месте.

Элайзе понадобилась вся ее сила духа, чтобы не опустить голову после бегства миссис Уинтроп.

— Прошу вас, садитесь, миссис Фонтейн.

Она замерла. Его родной французский следовал по пятам за согласными и превращал гласные в ласку. Элайза почти воочию увидела сильный и бесконечный всплеск фонтанных* струй, когда он произносил ее имя.

— Миссис Фонтейн? Неужели миссис Уинтроп привела ко мне претендентку на работу в моем доме, которая не говорит по-английски?

* Фамилия Фонтейн (Fountain) переводится с английского как «фонтан».

Тон принца был полон стали, прикрытой шелком, однако он был утонченно вежлив. Элайза могла с легкостью представить себе, как таким же тоном он отдает приказание обезглавить того, кто привел к нему столь глупую и немую претендентку.

— Прошу простить меня, лорд ла Вей. Я знаю, что значит «садитесь».

Элайза попыталась изобразить на лице улыбку. Она знала, что в ней есть обаяние, которое, правда, слегка заржавело от долгого неупотребления, учитывая, что она спрятала его подальше после того, как с нею приключилась беда.

— Так будьте любезны продемонстрировать мне это свое знание, — произнес он.

Принц жестом указал на стул, обитый бархатом шоколадного цвета. Возможно, и сама она для принца что-то вроде стула, несмотря на исходящие от него чары. Элайза почувствовала себя абсолютно обессиленной, хотя, возможно, это и к лучшему.

Элайза осторожно и, надеялась она, грациозно села на самый край стула, чтобы, если возникнет необходимость, тут же сорваться с места, и сложила руки на коленях.

Боже!.. Стул оказался таким мягким. Он бережно и почти сладострастно прижался к ее ягодицам. Высокая, веером расширяющаяся кверху спинка манила к себе, как руки любовника. Ее прежняя жизнь, в каком направлении ни посмотри, показалась такой узкой и усыпанной шипами, что охватившая Элайзу расслабленность настолько поразила ее, что едва не выбила из колеи.

Элайза робко сдвинулась на дюйм глубже, когда лорд ла Вей сам медленно уселся на стул напротив.

В Суссексе он приходит в себя после нападения, говорили ей. Теперь Элайза почему-то думала, что это было не нападение, а апоплексический удар.

Она видела два лица, отражавшихся в полированной поверхности стола: его — мастерски отесанное, как благородное дерево, ее — маленькое и белое, как будто ничего не выражающее.

— Великолепно! Мы установили, что вы действительно знаете, что значит сесть. Это очень хорошо, потому что я не выношу лгунов. — Говоря это, принц снова чуть улыбнулся. И по ее мнению, он сделал это для того, чтобы смягчить слегка вызывающую фразу.

Элайза, в свою очередь, тоже напряженно улыбнулась. «Демонстрирую свою способность улыбаться», — мелькнуло у нее в голове.

— Какова, по-вашему, ваша квалификация, миссис Фонтейн?

Как интересно выразился лорд ла Вей. Как будто он единственный может судить о том, есть ли у нее вообще хоть какая-то квалификация.

— Я прошла обучение... — Элайза была шокирована собственным голосом, прозвучавшим как гнусавое кваканье, хотя, возможно, все дело было в напряженной атмосфере, создавшей в результате его высокомерной манеры держаться. Она откашлялась. — Меня обучали управлять чудесным домом, начиная от необходимости твердо придерживаться сметы расходов и заканчивая принятием решений о покупках для дома, приготовлением выпечки, лекарств и настоев из лечебных трав, наймом и увольнением...

— Где?

— Прошу прощения?.. — Элайза недоуменно заморгала.

— Я имею в виду дом, — медленно и четко артикулируя, пояснил лорд ла Вей. — Где был этот, как вы выразились, чудесный дом?

— В Нортумберленде.

— Кому вы служили в этом доме?

Элайза помедлила. Ее сердце забилось быстрее.

— Этот дом принадлежит моим родителям. Там я выросла и получила образование. — Элайза не стала говорить, что в этом доме ее больше не ждут.

Если принц захочет узнать ее историю, ему придется вытягивать ее из Элайзы, задавая вопрос за вопросом.

Лорд ла Вей смотрел на нее так пристально, что ей стало казаться, будто он подносит к ее лицу кончики двух горящих сигар.

Хотя, возможно, ему все известно, несмотря на то что говорила миссис Уинтроп. Иногда у Элайзы было такое чувство, что весь мир обо всем знает, хотя, конечно, не такая уж она важная особа. Но на свете существует достаточно Редмондов и Эверси, которые позаботятся о том, чтобы фабрике скандалов хватало сырья.

Сердце Элайзы билось так сильно, что ей казалось, будто кто-то наносит по ее грудной клетке тупые удары. Сдавшись, она скользнула на последние два дюйма в объятия кресла.

Плечи лорда ла Вей были так широки под гладким, безупречно сшитым сюртуком, что Элайза спросила себя, находила ли хоть она женщина покой в его объятиях? Или весь смысл его существования сводится к тому, чтоб заставить женщину чувствовать себя напуганной и незначительной?

— Почему же сейчас вы ищете место экономки в хорошем доме?

Элайза задумалась. По крайней мере, теперь она знала, как правильно использовать слово, которое считала омерзительным.

— Мои обстоятельства изменились, — ответила она.

Его брови подскочили вверх — принц явно был удивлен.

Поскольку Элайза уже пребывала в уверенности, что видит лорда ла Вей в последний раз, у нее хватило смелости выдержать его взгляд, что было совсем непросто, потому что он обладал способностью выглядеть одно-

временно приветливым и вселяющим ужас. У него были глаза необычайного — красно-коричневого с золотом — цвета, как порция бренди, приправленного солнечным лучом. Элайзе стало любопытно, становятся ли они ярче, когда он смеется.

Если он смеется.

Еле заметные коричневатые тени легли у него под глазами, кожа, похоже, растянулась от усталости. Свежий шрам, розоватый и тонкий, как лезвие ножа, протянулся по его скуле на два дюйма. «Как ему, должно быть, больно», — подумала Элайза. Впрочем, шрам ничуть не портил его внешности, скорее подчеркивал: этот человек красив и опасен.

Элайза заподозрила, что теперь она понимает, о каком нападении на него шла речь. В ней шевельнулось нечто напоминающее симпатию. Правда, оставалось опасение, что на него напала уволенная экономка из-за того, что он был невыносим.

В тишине слышно было, как верхнее полено в камине упало, прогорев, — пламя издало яростный треск.

— Обстоятельства... — наконец ироничным тоном произнес принц, — имеют несчастливую тенденцию так поступать.

Его губы чуть дрогнули в уголке. Если это была улыбка, то она не дошла до его глаз. Похоже, ирония — его родной язык.

Элайзе было страшно даже просто смотреть на принца в наступившей тишине. Эта тишина оказалась столь напряженной, что, когда лорд ла Вей слегка побарабанил пальцами по столу, она едва не подскочила.

— Нынешняя прислуга ленива и непокорна. И поскольку я попросил прислать мне несколько вещей, которые представляют для меня ценность — серебро и фарфор, к примеру, — меня стало тревожить воровство. Разумеется, хороших слуг всегда трудно найти, особенно для такого хозяина, как я. Я многого жду от них и мало

на что надеюсь, знакомясь с ними. Какие качества помогут вам добиться от прислуги преданности и хорошей работы и почему вы считаете, что сможете оправдать мои ожидания?

Элайза не произнесла этого вслух, но про себя дополнила его предложение словами: «... Там, откуда люди уходят с рыданиями». Такого хозяина, как он? Без сомнения, мир не вынесет еще одного такого человека.

Она глубоко вздохнула:

— Я преподавала в классах, полных непослушных детей с самыми разными характерами, и знаю, как заставить их учиться и полюбить учебу. Я знаю заботы домашней прислуги, знаю поведение этих людей и готова разговаривать с ними и ими управлять. Я на себе испытала определенные... скажем, трудности работы экономкой и могу приспособиться. Я безупречно организованна. Ко всему прочему, у меня хорошо работает голова. И я ничего не боюсь.

«Кроме вас», — добавила она мысленно.

Она только что бессовестно солгала человеку, который утверждает, что не выносит лжи.

Элайза подозревала, что лорд ла Вей именно так смотрит на мужчин, прежде чем принять решение, стоит ли проткнуть их насквозь. На его лице застыло сдержанно заинтересованное, сосредоточенное выражение. Для него она не женщина, а проблема, которую надо изучить, код, который надо расшифровать, решение, которое надо принять спокойно и взвешенно. Ее тщеславие может сразу же быть задето.

Но сейчас для нее ничто не имеет значения, даже то, как поступит лорд ла Вей.

— Вы можете занять эту должность с испытательным сроком в две недели, миссис Фонтейн, — лениво проговорил принц. — Приступайте к работе.

Элайза застыла. А потом почти невыносимое облегчение обдало жаром ее лицо, затуманило ей зрение.

В одно благословенное мгновение бесконечно более безопасная и мягкая версия этого человека проплыла перед ее глазами.

Придвинув к себе один из смятых, а затем расправленных листков на столе, принц стал изучать его, а про нее как будто забыл.

Элайза высвободила руки из напряженного узла и рассеянно провела влажными ладонями по юбке, прежде чем снова сжать их.

Она была горда тем, что ее голос зазвучал чисто и спокойно:

— Благодарю вас. Вы не пожалеете о своем решении, лорд ла Вей.

— У меня редко бывают причины сожалеть о своих решениях. — Он произнес эти слова холодно, почти рассеянно, глядя на корреспонденцию, а не на нее. На сей раз он был снисходителен к своей рабыне. — Вы можете идти, миссис Фонтейн.

Вставая, Элайза украдкой провела рукой по спинке стула, словно это было какое-то экзотическое животное. В благодарность за уют.

Принц поднял глаза как раз в тот момент, когда миссис Фонтейн, уходя, быстро сделала лишний шаг у двери его кабинета. Это подозрительно смахивало на начало... какой-то игры.

Он нахмурился.

Боже, как же его донимали все эти мелочи в ведении хозяйства! Странно, но когда весьма схожие мелочи касались управления кораблем, ему это нравилось. Все дело в том, что управление кораблем — работа для мужчины, а ведение домашнего хозяйства — дело женское.

Однако лорд ла Вей сомневался, что миссис Фонтейн справится. Почему ее должен ждать успех там, где три женщины уже потерпели неудачу? Двух из них он уволил, третья сбежала сама.

Само собой, он уже кое-что знал о ней — то, что достойная миссис Уинтроп сочла нужным рассказать ему. А то, что миссис Фонтейн может исполнять работу экономки и качество ее рекомендаций подтвердили Редмонды. Так уж вышло, что его ближайший друг, граф Ардмей, женат на представительнице этой уважаемой семьи.

Если и существовала какая-то выгода от всех этих людей и событий, приведших к его ссылке для выздоровления в Пеннироял-Грин графства Суссекс, — головорезов и королей, совращений и обезглавливаний, утонченных удовольствий и мучительной боли, драк на шпагах, перестрелок и столкновений с пиратами, полного разрушения его образа жизни до тех пор, пока от него не осталась лишь холодная как камень, безжалостная решимость, способная его восстановить, — так это его умение так же легко и быстро понимать людей, как он понимал пять языков. Вопросы были нужны ему лишь для того, чтобы отвлечь человека, пока он его спокойно оценивает.

Поза миссис Фонтейн, ее манера говорить, способность смотреть ему в глаза, связывать вместе официальные и убедительные английские предложения — все это выдавало в ней более воспитанного и образованного человека, чем обычная экономка. Она горда. Гордые люди часто отлично работают; гордые люди также нередко считают, что они выше своей работы. Гордым людям трудно пользоваться лестницей для прислуги.

Интуиция подсказывала ему, что у миссис Фонтейн вспыльчивый характер.

Она краснела и поглаживала мебель, как будто никогда раньше не видела бархата.

А еще, подозревал он, миссис Фонтейн находится в некотором отчаянном положении. Он кое-что знал об этом.

Но когда она говорила, блестящий черный локон выбился из туго заколотого шпильками пучка и повис у нее на виске, напоминая скрипичный ключ. Похоже, она этого не заметила. Это так не вязалось с ее четкой